МУРЗИЛКА

№ 3

МАРТ
1947

Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов

„Радуга-дуга“ — так называется новая книга, выпущенная Детским государственным издательством. В ней ты найдёшь народные песенки, сказки, поговорки и загадки. Собрала и обработала их писательница И. Карнаухова, рисунки выполнены художницей А. Якобсон. Здесь напечатаны песенки, загадки и пословицы из этой книги.

Скок-поскок,
Сколочу мосток.
Серебром замощу,
Всех ребят пущу.

ЗАГАДКА

Телятки гладки —
привязаны к грядке.

(Огурцы)

Иголка-иголка,
Ты остра и колка,
Не коли мне пальчик,
Шей сарафанчик!

ЗАГАДКА

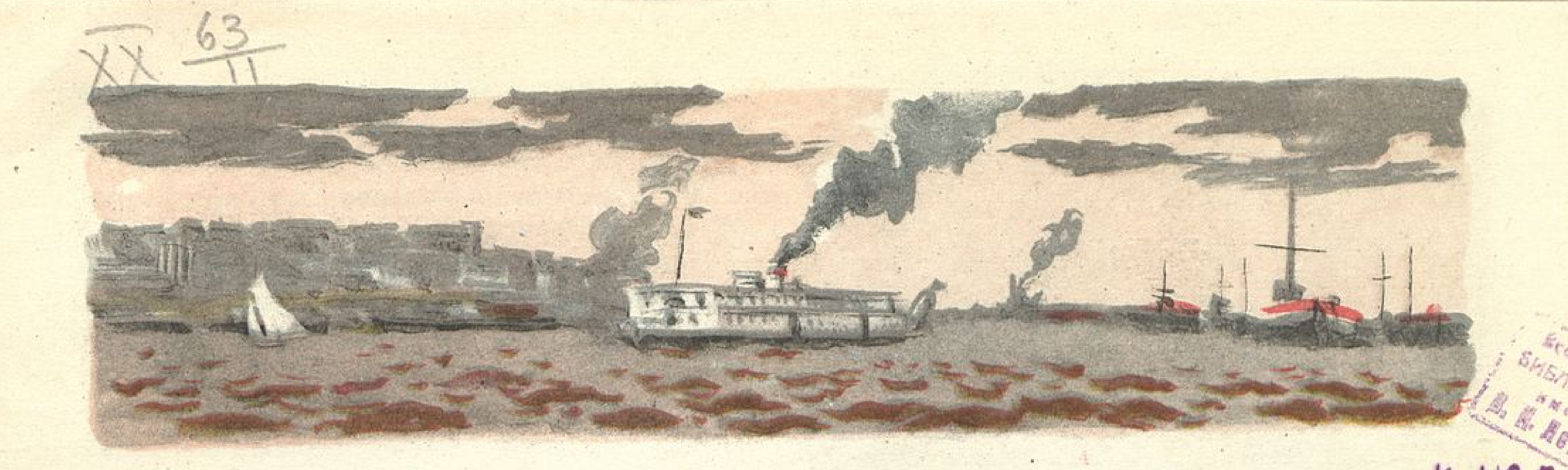
Красненькие сапожки —
в земле лежат.

(Свёкла)

ПОСЛОВИЦЫ

Труд человека кормит, а лень портит.
Работай до поту — поешь с охотой.
Была бы охота — будет ладиться работа.
Муравей не велик, а горы копает.
Один и камень не поднимет, а миром и гору перенесём.
Где двое работают — там и песня слышна.

Рис. А. Якобсон

С. ГЕОРГИЕВСКАЯ *Рис. А. ЕРМОЛАЕВА*

ПОВЕСТЬ О ГАЛИНОЙ МАМЕ

Рассказ получил 2-ю премию на конкурсе, организованном нашим журналом в 1946 году.

ГЛАВА I

Есть на свете город Куйбышев. Это большой, красивый город. Улицы в нём зелёные, как сады, берега зелёные, как улицы, и дворы зелёные, как берега.

Под высоким берегом течёт Волга. По Волге летом ходят пароходы и причаливают то к тому, то к другому берегу.

Во время войны в городе Куйбышеве жили девочка Галя, Галина мама и Галина бабушка, — их всех троих эвакуировали из Ленинграда.

Галина бабушка была хорошая, но мама была ещё лучше. Она была молодая, весёлая и всё понимала. Она так же, как Галя, любила бегать после дождя босиком, и смотреть картинки в старых журналах, и топить печку с открытой дверкой, хотя бабушка говорила, что от этого уходит на улицу всё тепло.

Всю неделю Галина мама работала. Она рисовала на прозрачной бумаге очень красивые кружки, большие и маленькие, и проводила разные линеечки — жирные или тоненькие-тоненькие, как волосок. Это называлось — чертить.

Зато по воскресеньям Галя и мама ездили на пароходе на другой берег Волги. Волга была большая. Плыли по ней плоты, шли лодки, шёл пароход, разгоняя в обе стороны длинные волны. А на берегу лежал волнистый мягкий песок, лез из воды упругий остролистый камыш с бархатными щёточками, и летали в тени стрекозы. Там было так хорошо, как будто совсем нигде нет никакой войны.

Вечером Галя и мама гуляли по набережной.

— Машина, мама! — кричала Галя. — Попроси!..

Галина мама оборачивалась — не сидит ли у калитки бабушка. Если бабушки не было, она подымала руку.

Грузовик останавливался.

— Подвезите нас немножко, пожалуйста, — говорила мама. — Моей девочке так хочется покататься!

Люди на грузовике смеялись. Потом какой-нибудь грузчик или красноармеец, сидящий в кузове, протягивал сверху руку.

Грузовик подпрыгивал на ухабах. Мама и Галя сидели в открытом кузове на мешке с картошкой или на запасном колесе, — обе в ситцевых платьицах, сшитых бабушкой, и держали друг друга за руки.

Галя смеялась. Когда машину подбрасывало, она кричала: «Ой, мама!», «Ай, мама!»

Машина тряслась на неровном булыжнике мостовой. Их обдавало пылью.

— Спасибо, товарищи, — говорила мама.

Машина вздрагивала и останавливалась.

— Галя, скажи и ты спасибо.

— Спасибо! — кричала Галя, уже стоя на мостовой.

Наверху в кузове улыбались красноармейцы.

Один раз, когда Галя с мамой гуляли по улицам города Куйбышева, они увидели, как в трамвай, который шёл к вокзалу, садилось пятеро молодых красноармейцев в полном снаряжении. Должно быть, они уезжали на фронт.

Красноармейцев провожали колхозницы. Колхозницы плакали и целовали своих сыновей и братьев. Вся улица вокруг них как будто притихла. Люди останавливались и молча покачивали головами. Женщины тихонько плакали.

Галя с мамой стояли на краю тротуара и тоже смотрели на красноармейцев.

— Галя, — вдруг сказала мама, — я не хотела тебе раньше говорить, но, наверно, уже пора сказать. Я тоже скоро уйду на фронт.

— Уйдёшь? — спросила Галя, и глаза у неё стали круглые и мокрые. — На фронт без меня?

ГЛАВА II

Через неделю Галя и бабушка провожали маму.

На вокзале толпились люди.

Бабушка подошла к пожилому военному и сказала:

— Товарищ военный, дочка моя на фронт едет. Единственная, молоденькая совсем... Будьте уж столь любезны: если вы едете в этом поезде, не дайте её в обиду.

— Напрасно, мамаша, беспокоитесь, — ответил военный: — какая тут может быть обида!

— Ну, вот и хорошо! — сказала бабушка. — Благодарствуйте.

Стемнело. На вокзале зажглись огни.

В их жёлтом свете сиял, как лёд, сырой от дождя перрон.

Поезд тронулся. Бабушка побежала за вагоном. Она кричала: «Дочка моя! Доченька моя дорогая!..» — и хватала на бегу проводницу за рукав, как будто от неё зависело уберечь здоровье и счастье мамы.

А мама стояла в тамбуре, за проводницей, и говорила:

— Мамочка, не надо! Мамочка, оставь! Мамочка, я ведь не одна. Неудобно... Не надо, мамочка.

Поезд ушёл в темноту. Галя и бабушка ещё долго стояли на перроне и смотрели на красный убегающий огонёк.

И тут только Галя поняла, что мама уехала, совсем уехала. Без неё. И громко заплакала. Бабушка взяла её за руку и повела домой. Тихо-тихо повела. Бабушка не любила ходить быстро.

ГЛАВА III

А мама в это время всё ехала и ехала.

В вагоне было почти совсем темно. Только где-то под самым потолком светился, мигая, слабый фонарь. И с той стороны вместе со светом шли облака махорочного дыма.

Все скамейки были уже заняты. Мама сидела на своём чемоданчике в коридоре вагона, увозившего её на фронт, и ей виделось, как бабушка бежит за поездом в своём развевающемся платке, и круглое личико Гали, её растопыренные руки, пальтишко, перехваченное подмышками тёплым вязаным шарфом, и ножки в маленьких тупоносых калошах... И она шептала, как бабушка: «Дочка моя, доченька моя дорогая!..»

Поезд шёл мимо голых деревьев, шумел колёсами и катил вперёд, всё вперёд — на войну.

ГЛАВА IV

Есть на свете суровый, холодный край, называемый Дальним Севером.

Там нет ни лесов, ни полей, — есть одна только тундра, плоская, как тарелка, и вся затянутая ледяной корой. Море, которое омывает этот студёный край, называется Баренцовым. Это холодное море, но в нём проходит тёплое течение Гольфстрим, и от

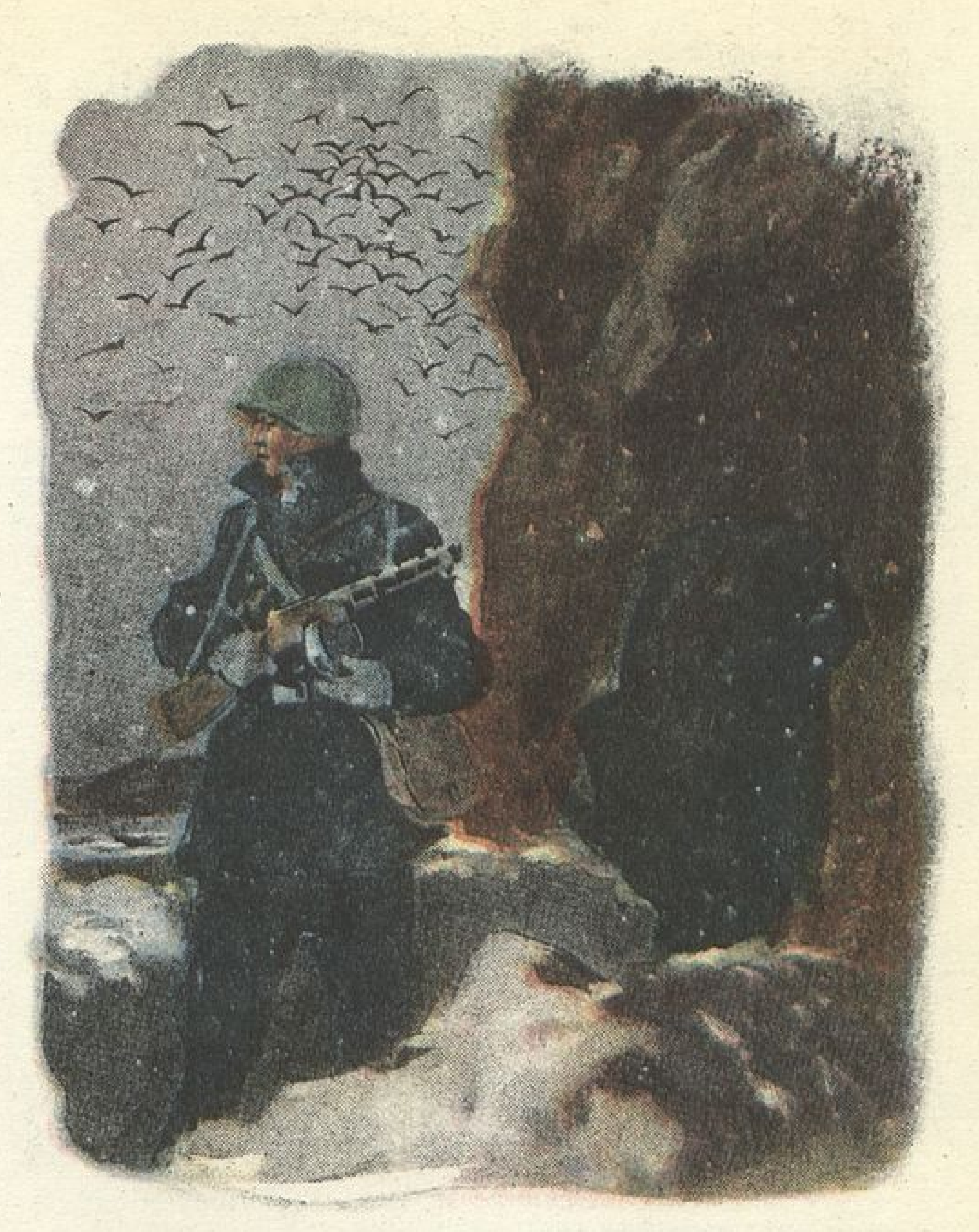
этого море не замерзает. Там стоял во время войны наш северный флот.

Галина мама получила приказ быть связисткой при штабе флота.

Штаб связи помещался в скале, — в самой настоящей серой гранитной скале. Матросы вырубили в ней глубокую пещеру. У входа всегда стоял часовой, а в глубине, под тяжёлым каменным сводом, девушки-связистки днём и ночью принимали и передавали телеграммы.

«Вот если бы моя Галя увидела, куда я попала. Какая тут пещера, какие скалы! — иногда думала Галина мама. — Когда будет можно, я ей про это напишу».

Но война шла, и писать о том, в какой пещере помещается штаб связи, было нельзя, да маме и некогда было писать длинные письма. Уж очень была она занята: то нужно было стоять на вахте, то дежурить на камбузе, — так у флотских называется кухня,— то ехать по заданию начальника в город Мурманск или на полуостров Рыбачий, где держала оборону морская пехота и где шли в то время самые горячие бои.

ГЛАВА V

И вот однажды Галину маму послали отвезти важный пакет в боевую охрану Рыбачьего полуострова. Она поехала верхом.

Вокруг неё было огромное белое поле, пустое и ровное. Только далеко, там, где земля упирается в небо, стояли неровными зубцами горы. Это был хребет Тунтури.

Нигде не росло ни деревца, ни кустарника. Снег и камень лежали на белой равнине. И шёл по равнине колючий ветер, бил в глаза лошадёнке и Галиной маме. И так было пусто кругом. Даже птицы не было видно в синем небе!

Лошадь проваливалась в сугробах и уходила в талую воду по самое брюхо.

С правой стороны в тундру врезался залив. Берег был однообразный: щебень и галька.

— Ну, ты, пошла! Пошла! — понукала Галина мама свою лошадку.

И вот они выбрались к самому заливу: лошадь с намокшим брюхом и мама с разбухшими от воды сапогами.

Залив был гладкий, как лист глянцовитой бумаги. Высокое, синее, поднималось над ним небо. От синевы щемило в глазах и в сердце, — так чист, так спокоен был небесный купол.

И вдруг воздух дрогнул: откуда-то со стороны Тунтурей прилетела мина. С грохотом брызнули в небо камни и снег. Лошадь прижала уши и задрожала.

— Ну, старушка, родная, гони! — закричала мама и изо всех сил пришпорила лошадь. Лошадь дёрнулась, кинулась вскачь, хрипя и спотыкаясь. А вокруг них земля дрожала от новых взрывов.

Не успели они отъехать от первой воронки и десятка метров, как что-то словно стукнуло маму по плечу. Лошадь захрипела, взвилась на дыбы, а потом сразу упала в снег, подогнув передние ноги.

Мама сама не знала, долго ли она пролежала на снегу. Время было весеннее, солнце в тех краях весной и летом не заходит, и она не могла угадать, который теперь час. А часы у неё остановились.

Она очнулась не то от боли в плече, не то от холода, не то просто так. Очнулась и увидала, что лежит на взрытом снегу рядом со своей убитой лошадкой.

Маме очень хотелось пить. Она пожевала снегу, потом потихоньку вынула ногу из

стремени, поднялась и пошла. Её тошнило. Рукав куртки совсем взмок от крови. Но мама не возвратилась в штаб и даже ни разу не обернулась, — не подумала, что можно возвратиться. Она шла вперёд, всё вперёд, одна в пустынном и белом поле. А вокруг неё тундра так и гудела от взрывов. Это немец, который засел на сопках, обстреливал сверху подходы к нашим землянкам, чтобы никто не мог ни подойти, ни подъехать к ним.

Мама шла очень долго. Она с трудом переставляла ноги и думала только одно: «Ну, ещё десять шагов! Ну, ещё пять! Ну, ещё три!..»

Она сама не поверила себе, когда увидела наконец, что беловато-серые зубцы гор совсем близко подступили к ней. Вот уже виден и жёлтый дым наших землянок. Ещё сто раз шагнуть — и она пришла.

— Пришла!.. — сказала мама и упала в снег. Ей стало совсем худо.

Бойцы заметили издали на снегу её чёрную шапку-ушанку.

Когда маму подняли и понесли в санитарную часть, раненая рука упала с носилок и, словно мёртвая, поволоклась по снежным сугробам.

В санчасти на маме разрезали куртку и под курткой нашли пакет, который она принесла из штаба.

ГЛАВА VI

В Куйбышеве бабушка и Галя получили письмо — не от мамы, а от начальника госпиталя.

Сначала они очень испугались и долго не могли понять, что там написано. Но потом всё-таки поняли, что Галина мама ранена, упала с лошади и чуть не замёрзла в снегу.

— Так я и знала! Так я и знала! — плача, говорила бабушка. — Чуяло моё сердце...

— Моя мама ранена, — рассказывала Галя во дворе. — Мы так и знали!

Соседские девочки, которые отправляли подарки бойцам на фронт, сшили кисет и вышили: «Смело в бой, отважный танкист!» Они не знали, что Галина мама была связисткой.

Кисет с махоркой девочки отдали Галиной бабушке. Бабушка высыпала махорку и положила в кисет носовые платки, гребешок и зеркальце.

И Галя поехала с бабушкой в город Москву, где лежала в госпитале мама.

Они остановились у родных в Большом Каретном переулке и каждый день ездили на троллейбусе номер десять навещать маму. Они возили ей клюквенный кисель в стакане, какао в термосе и варёные яйца.

ГЛАВА VII

И вот мама почти поправилась. Её выписали из госпиталя и дали ей отпуск на месяц. Она опять научилась быстро ходить и громко смеяться, только руки у неё ещё не гнулись, и бабушка причёсывала её и одевала, как маленькую. А Галя возила маму через день в госпиталь на электризацию, брала для неё в троллейбусе билет, открывала ей двери, застёгивала на ней шинель. И мама называла её: «Мои руки».

Как-то раз мама получила открытку, на которой красивыми лиловыми буквами было выстукано по-печатному:

«Уважаемый товарищ, вам надлежит явиться в наградной отдел на Скаковую улицу такого-то числа в три часа дня».

Открытка была послана несколько дней тому назад, но пришла с опозданием. «Такое-то число» было уже сегодня, а до трёх

часов оставалось всего полтора часа. Мама, Галя и бабушка поскорей оделись и поехали на Скаковую улицу.

Они приехали без десяти три. Галя с трудом оттянула тяжёлую дверь, и они с мамой вошли в подъезд. Бабушка не захотела войти.

— Я лучше здесь похожу, — сказала она, — уж очень я волнуюсь.

У вешалки с мамы сняли шинель, а Галя сама сняла свой тулупчик, и тут всем стало видно, что под шинелью у мамы красивая парадная форма офицера Военно-Морского Флота, а под тулупчиком у Гали — матросская блуза, перешитая бабушкой из маминой краснофлотской фланелевки.

— Глядите-ка! Два моряка! — сказала гардеробщица.

Они поднялись по широкой лестнице. Впереди шла мама, осторожно неся свои руки в перевязках, а сзади — Галя.

За дверью сказали: «Прошу!» — и они вошли.

У стола сидел человек. Перед ним лежала белая коробочка. Всё сияло на человеке: золотые погоны, два ряда пуговиц, золотые нашивки на рукавах и много орденов.

Галя и мама остановились у входа в комнату.

Галя посмотрела на маму. Мама была так красиво причёсана! Над воротом синей блузы виднелся край крахмального воротничка. Из бокового кармана блузы торчал платочек. А в кармане юбки — Галя это знала — лежал подарок куйбышевских ребят: кисет с надписью: «Смело в бой, отважный танкист!» Как жалко, что кисета не было видно!

Мама стояла навытяжку. Рядом в матросской блузе стояла навытяжку Галя.

Человек покашлял и взял коробочку. Он сказал: «За ваши заслуги в борьбе с немецкими захватчиками...» и протянул коробочку. Но мамины руки лежали в чёрных перевязках. Они были в рубцах и лилово-красных пятнах, похожих на ожоги. Они защищали родину, эти руки. На них остался багровый след её холодов и вражеского огня. И человек, стоявший против мамы, на минуту задумался. Потом он шагнул вперёд, подошёл прямо к Гале и отдал коробочку ей.

— Возьми, девочка! — сказал он. — Ты можешь гордиться своей мамой.

— А я и горжусь, — ответила Галя.

Но тут мама вдруг отчеканила по-военному:

— Служу Советскому Союзу! — И они обе — мама и Галя — пошли к двери.

Впереди шла Галя с коробочкой, сзади мама — с руками в перевязках.

Внизу, в подъезде, Галя открыла коробочку. Там был орден Отечественной войны — единственный орден, который передаётся по наследству детям.

У входа их поджидала бабушка. Она увидела мамин орден и громко заплакала. Все прохожие стали на них оглядываться, и мама сказала бабушке:

— Мамочка, не надо! Перестань, мамочка! Я ведь не одна... Таких много... Ну, не плачь, право же, неудобно...

Тут какая-то пожилая женщина, проходившая мимо, заступилась за бабушку.

— Отчего же, — сказала женщина, — конечно, матери очень лестно. И не захочешь, да заплачешь.

Но Галиной бабушке так и не удалось поплакать вволю на улице. Галя тянула её за рукав. Она торопилась домой в Большой Каретный. Ей хотелось скорее, скорее рассказать во дворе всем ребятам, как и за что она и мама получили орден.

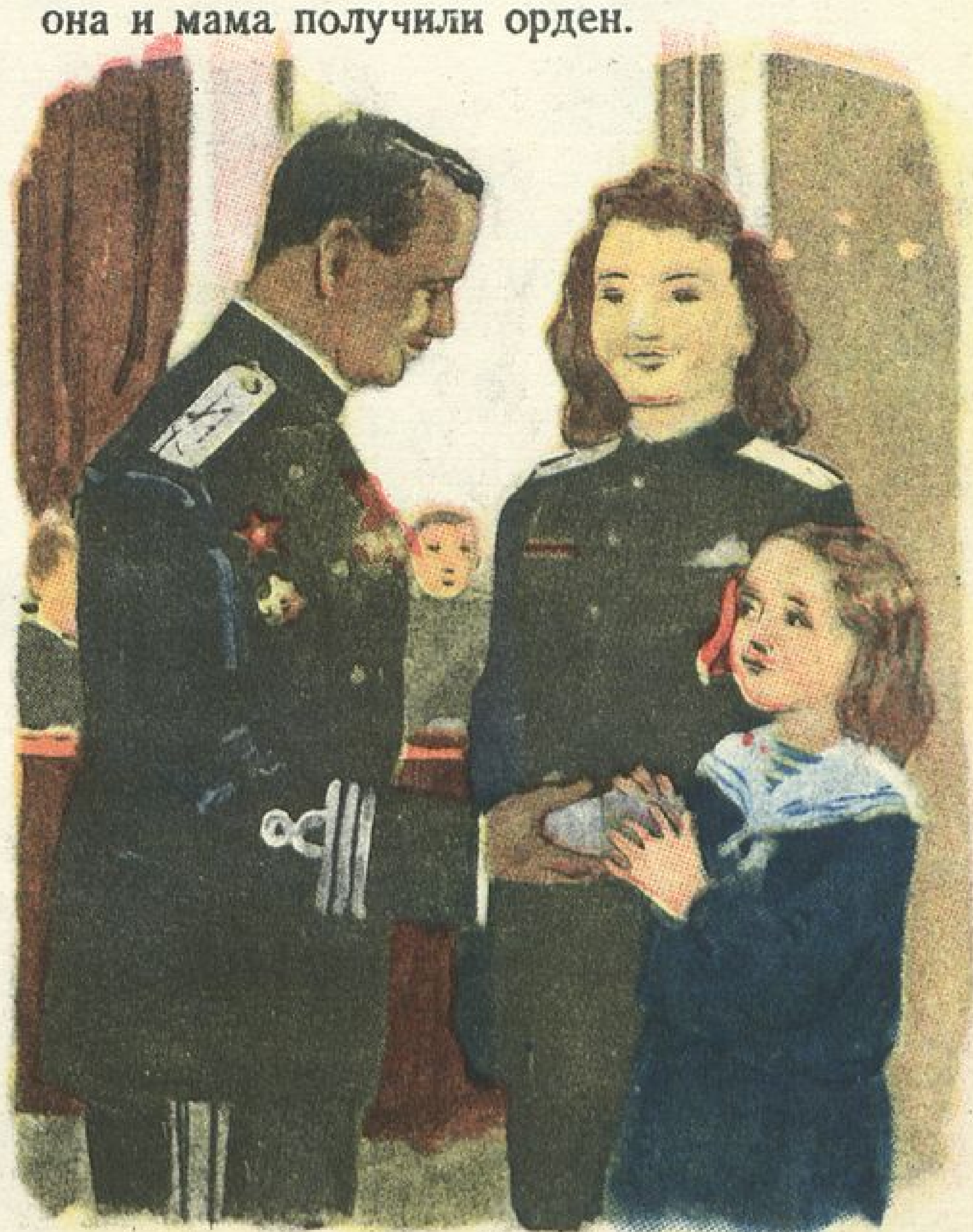

Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

ПИОНЕРЫ

Зал в торжественном уборе,
В свежей зелени травы.
Пионерами на сборе
Нынче сделаетесь вы!
Сколько вас, ребят весёлых,
Собралось на этот сбор!
Вешний день пробрался в школу,
Заливает солнцем двор.
Все в бутонах розоватых
Ваши яблони в саду.
Посадили их ребята...
Всё равно, в каком году!
Раскудрявились ветвями
В ширину и в вышину,
Каждый вечер соловьями
Нарушают тишину.
А ребята, те по свету
Разлетелись кто куда:
В океан спускались где-то,
Где-то строят города,
Через полюс пролетели,
Перешли вершины гор
Или в воинской шинели
К вам пришли на этот сбор,
С золотой звездой героя,
На мундирах — ордена!
А с портрета смотрит Зоя,
Будто с вами и она.
И она ходила в школу
Через площади Москвы
И была до комсомола
Пионеркой, как и вы.
И она любила очень
Лыжи, песенки ветров,
Летний лагерь, звёзды ночи
И смолистый дым костров, —
Всё, что рядом жило-было:
Книги, музыку, семью, —
Но всего сильней любила
Зоя родину свою.
Красный галстук надевая,
Не забудьте об одном:
Настоящая, большая
Жизнь-дорога за окном!

Е. Трутнева

С. МАРШАК Рис. О. ВЕРЕЙСКОГО

ПЯТЬ ЗАГАДОК

1

Аленький,
Маленький,
Круглый,
Блестящий,
С каждой неделей
Чернее и слаще.

В руке его тросточка,
Внутри его косточка.

2

Он всюду — в поле и в саду,
Но в дом не попадёт.
И никуда я не иду,
Покуда он идёт.

3

Кто, на бегу пары клубя,
Пуская дым трубой,
        Несёт
        Вперёд
И сам себя
И многих за собой?

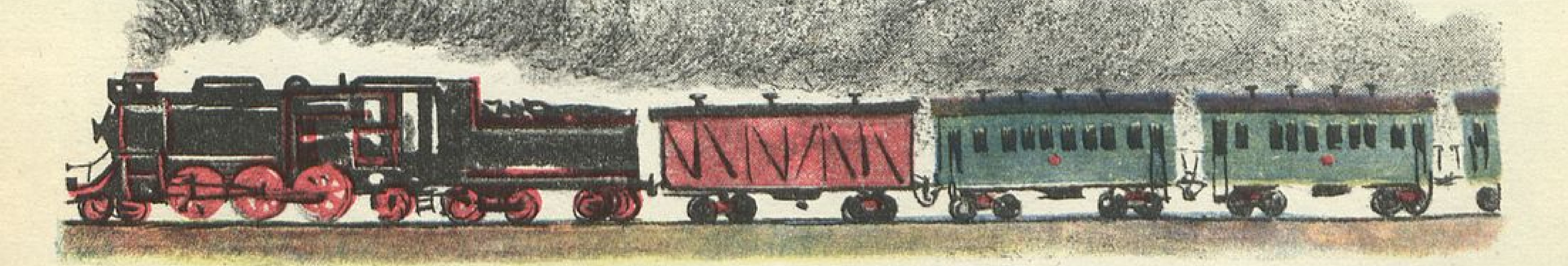
4

Мы ходим без устали ночью и днём,
Но всё же от вас никуда не уйдём.

Мы бьём аккуратно четырежды в час,
Но, люди, не бейте, пожалуйста, нас!

5

Как безлиственная ветка,
Я пряма, суха, тонка.
Ты видал меня нередко
В дневнике ученика.

Лев КАССИЛЬ

Рис. В. БИБИКОВА

(Продолжение. Начало см. в № 2)

3. МОРЯКИ СТАЛИНА

Долго плыл по далёким морям наш корабль. День плыл, два плыл, неделю, другую, а как стала кончаться третья неделя, закричали утром с мостика сигнальщики: «Прямо по носу — берег!»

И через три часа вошёл наш корабль в чужой иностранный порт. Замигал на берегу среди пальм огонёк прожектора по морской азбуке. Сигнальщики сразу разобрали и доложили командиру: спрашивают, мол, с берега, что за корабль, откуда плывёт, как называется.

Приказал командир ответить на берег: «Корабль советский, Военно-Морского Флота. Плывёт в далёкие моря. Хочет на берегу пресной воды для питья набрать, углем для машины запастись и продуктов купить». С берега вежливо отвечают: «Милости просим».

Вошёл наш корабль в гавань, бросил якорь, перенёс флаг с мачты на корму, как полагается по морским законам на стоянке. А в эту заграничную гавань советские корабли ещё никогда не плавали. Приходили корабли американские — на них флаг весь полосатый, со звёздочками. Заходили корабли английские — у этих на флаге красные полосы крест-накрест. Заплывали сюда корабли французские — на мачте флаг трёхцветный, поперёк синий, белый, красный. И из всяких других стран корабли гостили. А вот такой флаг в первый раз тут увидали. И понял сразу народ на берегу: «Да ведь это же советский корабль к нам в гости пришёл! Где ещё, в какой стране на флаге рабочий молот, крестьянский серп да боевая алая звезда могут быть?!»

И скоро весь город узнал, что в порту стоит советский корабль, что пришли в гости моряки советской страны. Повалил народ на берег. Поплыли со всех сторон к советскому кораблю лодочки. Окружили советский корабль, кричат нашим морякам: «Русс, русс!.. Москва!.. Сталин!..»

А других слов по-нашему не знают. Зато эти слова всем понятны сразу. Такие слова всему миру известны.

Стали наших моряков на берег к себе приглашать. Кто угощенье на стол ставит, кто цветы тащит, кто уже аппарат ладит — хочет советских моряков себе на память снять, для карточки. И кругом все кричат: «Русс... Москва... Сталин...»

Сошёл командир советского корабля на берег, а за ним сошли офицеры и матросы. Захлопал народ в ладоши, стал шапки вверх бросать, а потом побежали за переводчиком, который говорил по-русски. Пришёл переводчик, стал переводить.

— Советские моряки — самые храбрые на свете, — говорят на своём языке люди на берегу. — Здравствуйте, моряки Сталина, хорошие люди!

Переводчик всё это в точности пересказал по-русски, чтобы было понятно.

А один курчавый мальчишка, босой, в рваных штанах, пролез у всех под локтями вперёд и стал просить переводчика:

— Скажи русскому командиру, чтобы он меня юнгой на корабль к себе взял. Я хочу с ним всю жизнь плавать. Я хочу тоже стать моряком Сталина. Скажи, я умею плавать и на спине, и на боку, и по-всякому.

А переводчик это переводить не стал. Тогда советский командир его спрашивает:

— О чём это мальчонка толкует?

Переводчик смутился.

— Да так, — говорит, — глупости всякие. Просит, чтобы вы его с собой взяли.

— Ну, взять мы его с собой не имеем права, — говорит командир, — а корабль показать ему можем, раз ему так нравится, и угостим паренька. Пусть наш краснофлотский хлеб попробует.

Взял командир мальчугана за руку, повёл его к себе на корабль, посадил на диван в офицерской столовой, угостил сладкой булкой. А кругом народ на берегу говорит:

— Хорошие это люди—моряки Сталина, храбрые люди: в бою злые, а в жизни добрые. Смотрите, как возятся с каким-то оборвышем.

Долго угощали мальчишку на советском корабле. А потом командир опять сошёл на берег и поехал по всяким делам. Отвели на берег и маленького гостя. Стали грузить уголь на корабль, продукты, брать пресную воду. Работы было много, и скоро моряки забыли про чумазого паренька.

Наутро командир простился со всеми на берегу, поднялся на корабль, приказал сниматься с якоря. Вот уже подняли якорь на место и заработала малым ходом машина, как вдруг вылез снизу кочегар. Смотрят все: ведёт он за руку вчерашнего гостя, тот весь в угле вымазался, как воронёнок, только глаза да зубы блестят.

— Разрешите доложить,—говорит командиру кочегар, — вот обнаружил в угле, с грузчиками туда пробрался, на ночь зарылся, хотел с нами в море уйти.

А мальчишка только носом шмыгает, да по щеке у него слеза катится, вся от угля чёрная, как дробинка.

Пришлось останавливать машину, шлюпку с берега вызывать, чтобы непрошенного пассажира домой отправить. Переводчика тут уже не оказалось. Командир парня утешил, как мог, шоколад ему подарил, красную звёздочку и картинку — на ней Москва нарисована. Это всё мальчишка и без переводчика понял. «Русс... — говорит. — Москва... Сталин...»

И пока не скрылся советский корабль в море, всё стоял на берегу курчавый мальчишка и показывал народу картинку, которую подарил ему советский командир. И долго не расходился народ, глядя в море, куда ушли моряки Сталина.

колхозе

Рис. С. БОЙМА

Константин **ПАУСТОВСКИЙ**

Рис. **Н. ПОНОМАРЕВА**

МАЛЬЧИКИ

Рассказ получил 2-ю премию на конкурсе, организованном нашим журналом в 1946 году.

На реке Усмани, около Воронежа, есть большой заповедный лес. Это последний лес на границе степей. Стоит выйти из лесной прохлады на опушку — и в лицо ударит жаром, резким светом, и до самого края земли откроется степь, — широкая, как море. Откроются ветряки, что машут крылами на курганах, и коршуны, и старые усадебные сады, раскинутые в отдалении друг от друга. Но прежде всего откроется небо, — высокое степное небо с громадами синеватых облаков. Их много, но они почти никогда не закрывают солнца. Тень от них изредка проплывёт то тут, то там по степи. Проплывёт так медленно, что можно долго итти в этой тени, не отставая от неё и прячась от солнца.

В степи, недалеко от старого липового парка, поблёскивает в отлогой балке маленькая река Каменка. Она почти пересохла. Только в небольших омутах стоит чистая прогретая вода. По ней шныряют водяные пауки, а на берегах сидят и тяжело дышат — никак не могут отдышаться от жары — сонные лягушки.

Липовый парк был во время войны изрыт блиндажами. Сейчас они разрушились и заросли дикой малиной. С рассвета до темноты парк свистит, щёлкает и звенит от множества синиц, щеглов, малиновок, иволг и чижей. У подножья деревьев прячется в тени маленький белый дом отдыха писателей.

Часто по утрам я уходил из этого дома на Каменку ловить рыбу. Подымалось солнце. Блестела пустынная росистая степь. Вокруг не было ни души. Даже самый зоркий глаз не мог бы заметить никаких признаков человека. Но стоило мне закинуть удочки, как тотчас из балки выныривали белоголовые босые мальчишки. Они подходили сзади широкой дугой, так осторожно, что иногда я узнавал об их появлении только по громкому сопению у себя за спиной.

Мальчишки молчали, сопели и, не отрываясь, смотрели на поплавки. По старому опыту я знал, что при таких обстоятельствах

рыба перестаёт клевать. Это было необъяснимо, но верно. Сначала я решил откупиться от мальчишек. Я дал каждому из них по золочёному крючку, но с тем, что они уйдут и не будут мешать мне удить. Мальчики взяли крючки, поблагодарили шопотом и честно ушли. Но через полчаса появилась толпа совершенно новых мальчишек. Уже издали они кричали:

— Дяденька, дай крючкя!

Я понял, что совершил ошибку. Нужно было найти верное средство, чтобы избавиться от мальчишек. Тогда я вспомнил слова писателя Гайдара. Он уверял меня, что на мальчишек сильнее всего действуют загадочные разговоры.

И вот, когда на следующее утро мальчишки окружили меня, начали сопеть и рыба снова перестала клевать, я сказал мрачным голосом, не оглядываясь:

— А вы знаете, ребята, что за это полагается штраф в сто рублей?

— За что? — неуверенно спросил самый шустрый мальчик.

— А вот за это за самое, — ответил я.

Мальчишки переглянулись и, не спуская с меня глаз, начали медленно пятиться. Так, пятясь, они прошли шагов тридцать, потом сразу повернулись и бросились врассыпную в степь. Самый маленький бежал сзади, спотыкался. Шустрый мальчишка схватил его за руку, шлёпнул и поволок за собой. Мальчишки исчезли. Я засмеялся. В ответ за кустом лозняка кто-то хихикнул. Я заглянул за куст. Там, уткнувшись лицом в траву, лежали и тряслись от смеха два белобрысых мальчика с длинными верёвочными кнутами.

— А вы чего остались?

— Нам нельзя, — сказал мальчик постарше. — Мы пастухи. У нас стадо тут за бугром.

— А если бы не было стада?

Мальчик, ухмыляясь, встал.

— Не!—сказал он.—Всё одно, мы бы не убегли. Мы большие. А те — махонькие. Что им ни посули — они всему верят. Теперь забоялись, долго не прибегут.

Так началась моя дружба с пастухами Витей и Федей. И начались наши разговоры.

— Вы кто? Писатель? — спросил меня сразу же Федя.

— Да, писатель.

— А вы давно заступили в писатели?

— Давно.

— Что-то не видно, — сказал Федя и подозрительно посмотрел на меня.

— Почему это не видно?

— Рыба клюёт, а, я гляжу, вы всё зеваете.

— Что-то ты путаешь, — сказал я. — Рыба здесь ни при чём.

— Ну да! — обиженно заметил Федя. — Как это так ни при чём?

Тогда в разговор вмешался младший пастушок, Витя.

— Запрошлое лето, — сказал он, торопясь и захлебываясь, — тут два писателя тоже рыбу ловили: дядя Жора и дядя Саша. Так дядя Саша ка-ак закинет удочки, ка-ак у него возьмёт, ка-ак он дерганёт, ка-ак вытащит, — вот такого окуня! В локоть! Раз за разом. А дядя Жора — так тот не мог. У дяди Жоры не получалось. Сидит-сидит весь день и вытащит плотичку. Худую, морёную.

— Тоже лезешь! — сердито сказал Федя. — Дурной совсем. Так ведь дядя Жора вовсе и не был писателем. Понятно? А дядя Саша — так тот писатель. Он двадцать книг написал!

Тогда я, наконец, понял. В представлении Феди настоящий писатель должен быть талантливым во всём, должен быть своего рода волшебным мастером «золотые руки». Он должен всё знать, всё видеть, всё понимать и всё великолепно делать.

Мне не хотелось разрушать эту веру маленького деревенского пастуха. И даже в малом деле — в рыбной ловле — я поклялся себе не прозевать ни одной поклёвки, особенно при Феде. Я не мог допустить мысли, что Федя кому-нибудь скажет:

— Дядя Костя? Да какой же он писатель! Он подсекать не умеет. У него рыба всё время срывается.

С тех пор при встречах с Федей я был настороже. Ему нужно было всё знать. Он задавал мне множество вопросов. Как все пастухи, Федя хорошо знал всякие травы, цветы, растения и любил о них поговорить. Я тоже кое-что знал о растениях, но здесь, под Воронежем, было много таких трав и цветов, какие не встречаются у нас, в более северной полосе России. Поэтому я был

очень доволен, что захватил с собой из Москвы определитель растений. Я приносил из степи охапки разных цветов и трав и определял их. Среди них не было ни одного цветка, которого не знал бы Федя.

И вот, наконец, наступил час моего торжества.

По берегу Каменки цвели хрупкие цветы топтуна. Они были похожи на маленькие белые звёзды.

Однажды я пришёл на Каменку на рассвете. Тотчас появился и Федя. Он подсел ко мне, достал из кармана хлеб, начал жевать его и расспрашивать меня о всяких обстоятельствах жизни. Небо было закрыто мглой. В серой воде неподвижно стояли красные поплавки. Рыба клевала плохо. Я взглянул на цветы топтуна и заметил, что все они закрыты.

— Будет дождь, — сказал я Феде.

— Откуда вы знаете?

Я показал на закрытые цветы. Федя наморщил лоб и долго думал.

— А зачем они перед дождём затворяются?

— Чтобы дождь не сбивал пыльцу.

Я начал рассказывать ему о пыльце, об опылении, о том, что по цветам можно определять время дня. Пока я рассказывал, у меня клюнула плотва, но я прозевал. Федя даже не заметил этого. Он был взволнован моим рассказом.

— Откуда вы всё это знаете? — спросил он. — Из школы?

— Из книг.

— Ну, если бы я так-то знал... — протянул Федя и замолчал.

— Что ж? Перестал бы пасти коров? Уехал бы в Воронеж?

— Не! — ответил Федя. — Я здешний. Мне тут привольно. Вырасту большой, сделаюсь председателем колхоза вместо Силантия Петровича, заведу у себя в деревне парники, цветы. Чего-чего только я тут ни напридумаю! Медовую фабрику открою.

Одинокая капля дождя отвесно упала на воду. От неё пошли тонкие круги. Потом сразу вокруг нас зашевелилась — зашептала трава, вся вода покрылась маленькими кругами, и слабый, но внятный звон поплыл над омутом. Шёл тихий тёплый дождь. Сильнее запахли травы, хлеба и земля. Из-за бугра потянуло парным молоком, — там паслось стадо.

— Гляньте, — сказал Федя, — так это же стеклянная трава!

Ворсистые стебли топтуна были сплошь покрыты каплями дождя. И всё это маленькое растение так сверкало у наших ног, будто оно было действительно сделано из стекла.

Спрятаться от дождя было негде, и мы сидели, накинув на головы Федин ватник.

— Доброе лето! — серьёзно сказал Федя.

Эти слова он, должно быть, слышал от деревенских стариков. Лето было действительно полно неуловимой доброты, — и в лёгком шуме дождей, и в теплоте рек, и в слабом качании мириад полевых цветов, и в запахе зреющей пшеницы.

АНТОН ПРИШЕЛЕЦ

КРЫЛЕЧКО

Всё под снегом,
Всё под белым.
Вышли лыжники в пробег,
А крылечко потемнело,
На крылечке тает снег.

Утром был он
Жёсткий, хрупкий,
А сейчас совсем не тот.
На дощатые приступки
Из него вода течёт.

Над пригретою дощечкой
Пар качается колечком.
Зайчик солнечный с повети
Разбежался, прыгнуть
хочет...
Раньше всех весну заметил
Любопытный
Рыжий кочет.

Он прищурил зоркий глаз:
„Что такое? Вот те раз!"
Небо льётся—сине-сине,
И ни облачка на нём.
Только солнце в середине
Золотым горит огнём.

Постоял петух маленько,
Встрепенулся:
„Ну дела!"
Бойко прыгнул на ступеньку
И захлопал в два крыла.
И над всей равниной белой,
По сугробам, за реку,
Прокатилось, прогремело
Звонкое
„Кука-реку!"

Смотрят люди из окна:
На крыльце
Стоит весна!

Ничего тебе не дам!

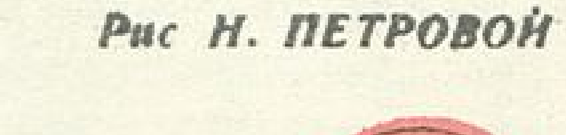

Рис Н. ПЕТРОВОЙ

Есть у Вити новый мячик,
Конь, лопата и ружьё.
Держит он свои игрушки
И твердит: „Моё, моё!"

Говорит ему Наташа:
—Есть Матрёшка у меня.
Ты позволь моей Матрёшке
Сесть на твоего коня.

Хочешь, я тебе за то
Дам картинное лото?

Поиграй в мою посуду,
Хочешь, с Мишкой поиграй.
Витя ей сказал: — Не буду!
Отойди, не приставай!

Ничего тебе не дам,
Я во всё играю сам!

— У меня, — сказал Серёжа, —
Есть автобус голубой.
Может, мы хоть не надолго
Поменяемся с тобой?

Я возьму ружьё и мячик,
Ты автобус покатай...
Но ответил хмурый мальчик:
— Отойди, не приставай!

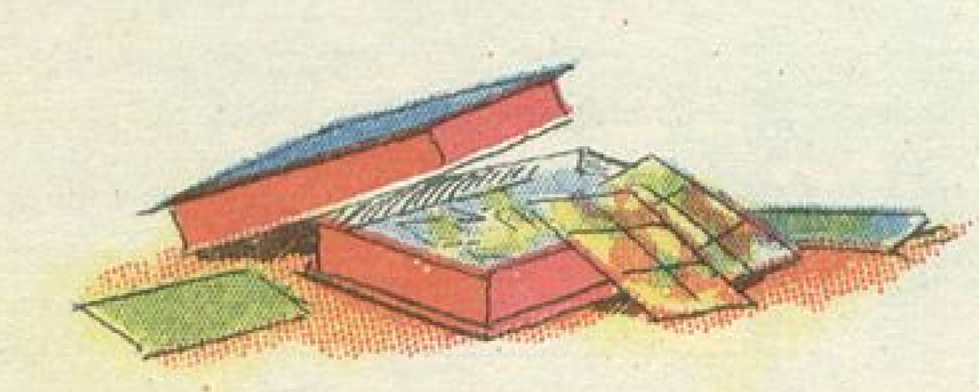

Ничего тебе не дам,
Я во всё играю сам!

Есть у Вити балалайка,
Пёстрый клоун, серый слон.
У него игрушек много.
Отчего ж скучает он?

Всё, что только захотите,
Вы найдёте у него,
Но товарищей у Вити
Не найти ни одного!

Нина Найдёнова

Путешествие водяных капель

М. ИЛЬИН и Е. СЕГАЛ

Рассказ второй

КАПЛЯ В НЕБЕ

Долго жила капля в море. И вот однажды отправилась она путешествовать по небу.

Каждому приходилось видеть, как дождевые капли падают с неба. На то они и капли, чтобы капать.

Но как они ухитряются добираться, долетать до неба?

Птица летает, потому что у неё есть крылья. У человека тоже есть крылья: он их сам себе сделал, когда построил самолёт.

А у капли крыльев нет. Её поднимает и несёт по небу ветер.

Ветер идёт над морями и реками, над полями и лесами и берёт по дороге пассажиров. Каждая пылинка, каждая пушинка может стать пассажиром воздушного поезда.

Взял с собой ветер и водяную капельку.

Но как удалось ей выскочить, выпрыгнуть из моря?

Выскочить из моря помогло капельке солнце. Оно так сильно нагрело воду в море, что очень много капель обратилось в лёгкий, невидимый пар. Тут-то их подхватил ветер.

И невидимые пассажиры помчались над морем на невидимых крыльях.

Долго шёл ветер над морем, поднимая волны, качая корабли.

И вот внизу показалась земля.

Дело было поздней осенью. Было холодно. По утрам деревья одевались инеем. Лужи покрывались тонким ледком. Грязь на дорогах стала твёрдой и звонкой.

Когда тёплый морской ветер помчался над холодной землёй, она вся покрылась туманом.

Так туманится холодное стекло, когда на него подышишь.

Тут опять дело не обошлось без чудесных превращений. Один волшебник — солнечный луч — превратил водяные капельки в пар. А другой волшебник — мороз — снова обратил пар в водяные капельки.

Капельки эти были такие крошечные, что каждую из них нельзя было бы и разглядеть. Но их было так много, что они густым туманом залили землю. Как собрались капельки-невидимки вместе, так и всё вокруг стало невидимым.

Свет самых ярких фонарей на улицах не мог пробиться сквозь их толпу. Прохожие натыкались друг на друга. Автобусы налетали на фонари. На перекрёстках сталкивались машины.

И всё это натворили крошечные капельки, которые пришли с моря.

Но вот выглянуло солнце.

Два волшебника — солнце и мороз — вступили в борьбу. Солнце было сильнее. Оно победило, разогнало туман, снова превратило в пар водяные капельки.

И невидимые пассажиры помчались над землёй дальше.

Всё выше и выше нёс их ветер. А наверху было так холодно, что пар опять заклубился туманом.

Люди смотрели снизу и говорили:

— Не будет ли дождя? Всё небо заволокли тучи.

А тучи — это тот же самый туман, только не у земли, а высоко в небе.

Туман мешает людям ходить и ездить. А тучи мешают летать. Лётчику трудно находить дорогу, когда самолёт пробивается сквозь густую толпу водяных капель.

Всё дальше шли над землёй тучи. Маленькие капельки воды сталкивались, сливались в большие капли.

Маленькую капельку ветру легко нести. А большую, тяжёлую каплю ему удержать трудно. Таких грузных пассажиров высаживают на ходу из воздушного поезда.

И вот уже первые дождевые капли застучали по оконным стёклам, по крышам.

Капли спустились с неба на землю.

Что с ними будет дальше на земле?

Об этом в следующий раз.

Виталий БИАНКИ

Рис. В. ЦИГАЛЬ

Заяц, косач, медведь и Весна

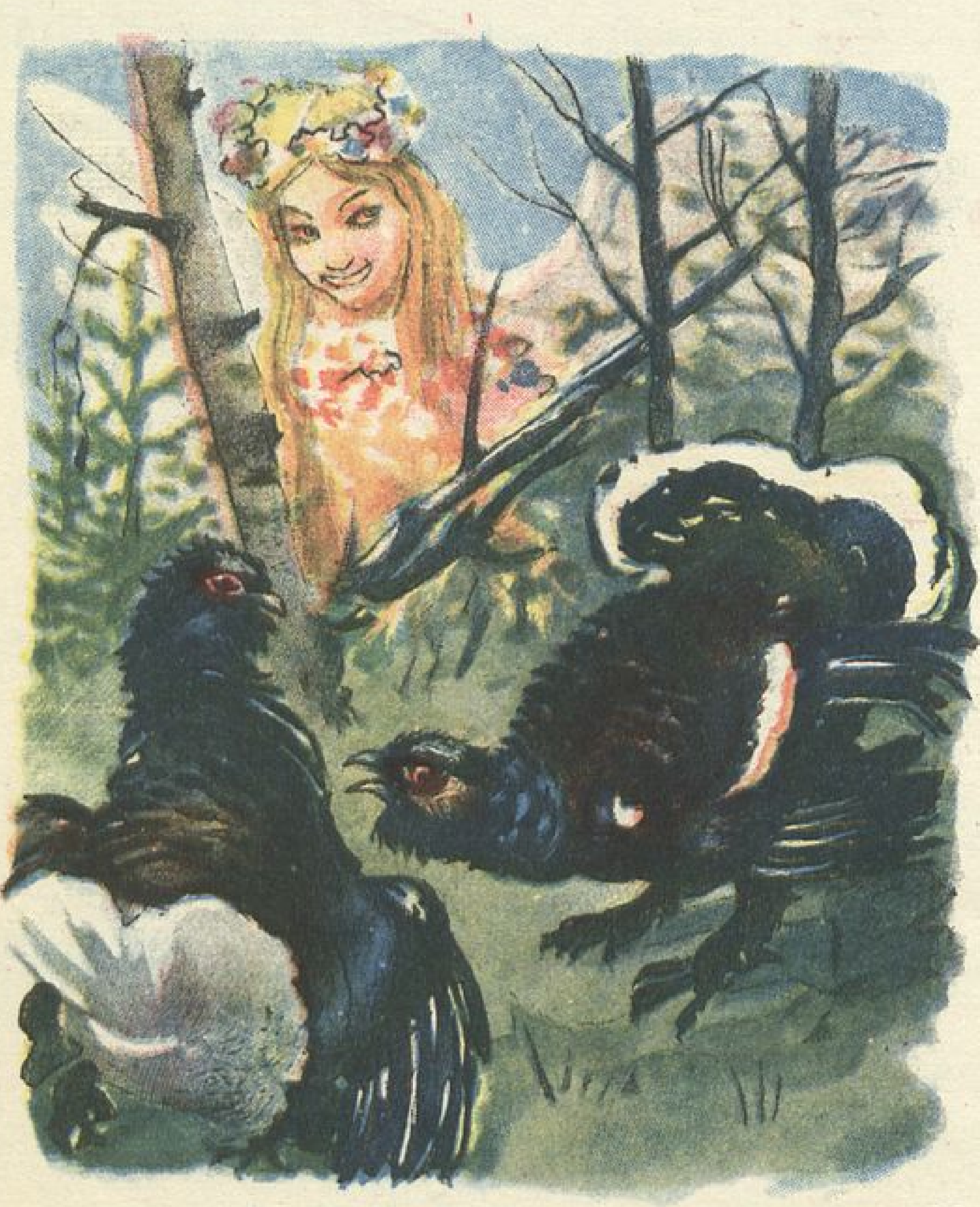
Прилетела красавица Весна на лебединых крыльях — и вот стало шумно в лесу! Снег рушится, бегут, журчат ручьи, льдинки в них позванивают, в ветвях ветер насвистывает. И птицы, птицы щебечут, поют-заливаются, ни днём, ни ночью покоя не знают!

А дед Мороз недалеко ушёл, — он всё слышит.

«То ли дело, — думает, — при мне было. Тишина в лесу, только деревья покряхтывают. Поди, всем надоел весенний-то гам. Будут рады теперь, коли вернусь».

Пробрался ночью в лес, схоронился под тёмной елью.

Вот зорька занялась.

И слышит дед Мороз: бежит по лесу заяц, притоптывает, в голос кричит.

«Плохо пришлось заиньке, — думает дед Мороз. — Снег-то, почитай, весь сошёл, земля серая, а он беленький, — всяк его видит — ловит. Совсем ополоумел косой со страху».

Глядь — выскочил заяц на тропочку. Только он уж не белый, — серый заяц.

За ним товарищи — такие же серые зайцы. Кричат, притоптывают, один через другого скачет.

Дед Мороз и руками развёл:

— Что такое Весна делает! Заяц товарищей со всего леса созвал. Верещит. Чехарду затеял, — совсем страх потерял!

Проскакали мимо весёлые зайцы. Зорька ярче. И видит дед Мороз: сидит на лугу у опушки косач — тетерев, чёрный, как уголь.

«Вот кому беда пришла, — думает дед Мороз. — Ведь он у меня под снегом ночевал. Теперь снегу нет, а лес ещё голый стоит. Негде косачу спрятаться, покой найти — ни на земле, ни на дереве».

А косач и не думает прятаться: к нему тетёрочки на опушку слетаются, а он то перед ними красуется, звонким голосом бормочет:

— Чуф-ши! Чуф-ши! Красны брови хороши! Хвост-косицы подниму, круты крылья разверну!

К нему товарищи на луг слетаются. А их он задирает:

— Чуф-шу! Чуф-шу! Выходите на левшу! Я вам перья причешу!

Подпрыгнул — сшиблись, — только пух летит!

Дед Мороз плечами пожал:

— Что Весна делает-то! Мирная птица в драчку полезла. О покое и не думает.

Разгорелся день, — улетели тетерева с луга.

Идёт по лесу медведь. Тощий.

«Каково-то тебе, косолапый? — думает дед Мороз. — Небось, плачешь по берлоге своей? Спал бы да спал в ней—и голода бы не знал».

А медведь остановился, когтями из земли какие-то корешки выкопал,—жуёт, похрюкивает от удовольствия: видать, сладкие на вкус корешки-то.

Дед Мороз пятернёй под шапку полез.

— Что ты скажешь, — и этот Весне рад! Никто по мне не тужит... Пойти спросить у неё, чем она всех с ума свела.

Вылез из-под ели, пошёл по лесу Весну разыскивать.

А красавица Весна сама ему навстречу летит, лебедиными крыльями плещет, — вся в цветах разноцветных, вся в солнечном золоте. Говорит ему свирельным голосом:

— Что, старый? На пляски да песни наши пришёл поглядеть? Или напугать кого задумал?

— Напугаешь их!.. — кряхтит дед Мороз. — Заяц — и тот нынче страх потерял. И что ты сделала им такое, что все тебя славят, с ума посходили?

Улыбнулась красавица Весна.

— А ты их спроси, чему они радуются.

Заиграла песню и с песней полетела над лесом, над лесом в зелёной дымке.

Отыскал дед Мороз зайца.

— Ты чему рад?

— Весне, дедушка, рад, теплу — солнцу рад, травке шёлковой. Ведь всю зиму зелёного росточка не видел, все осинки ободрал, горьку кору глодал. Травка-то сладенька.

Отыскал дед Мороз косача.

— Ты чему рад?

— Рад я крылья поразмять, удаль-силу показать. Чуф-ши! Чуф-ши! Красны брови горячи, круты крылья хороши!

Отыскал дед Мороз медведя.

— А ты чему рад?

Медведь застыдился, лапой закрылся, шепчет:

— Цветочкам я, дедушка, рад.

Дед Мороз ну хохотать:

— Ох-ох, насмешил! Ох, распотешил! Красным девушкам впору цветам радоваться, — не тебе, косолапому. Веночки из них,

что ли, плести будешь? Да я тебе, — хочешь? — мешок цветов накидаю, всю землю ими покрою. Всё беленькие — один к одному.

И ну трясти рукавом. А из рукава у него — снежинки, снежинки, снежинки, — и закрутилась метелица хлопьями.

Медведь говорит:

— Не бреши, старик! Твои цветы мёртвые. Не пахнут они, глаз не радуют. Ими только могилы засыпать. А у Весны-красавицы каждый малый цветочек — радость светлая, каждый счастье сулит. Ты придёшь — зиму лютую с собой приведёшь. А Весна идёт — красно лето за собой ведёт. Каждый малый цветочек её мёд в себе копит, каждый летом ягоду нам обещает.

Помолчал медведь и опять лапой закрылся.

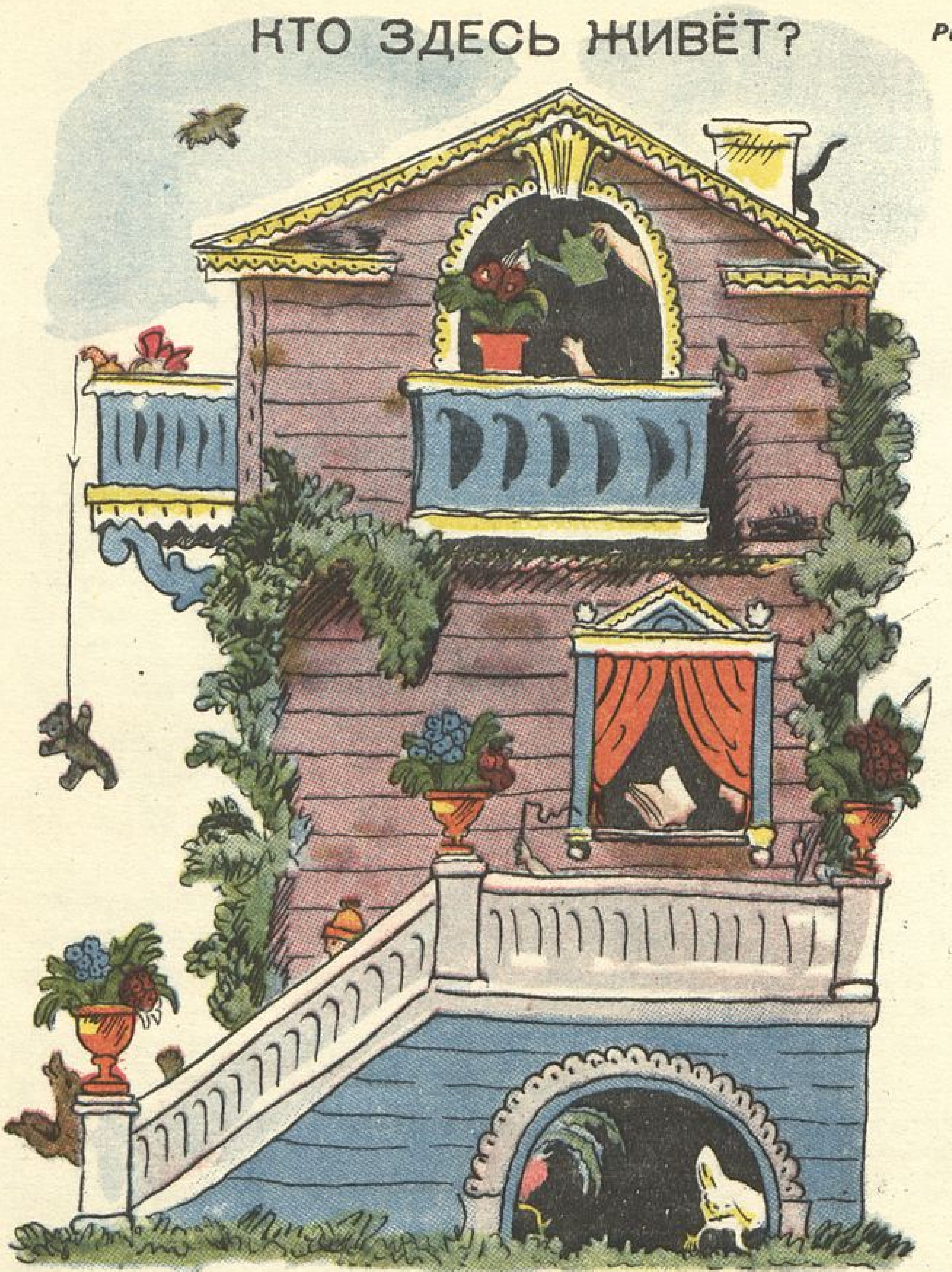
— А мы, — шепчет, — медведи-то, ба-альшие сластёны! Я зимой в берлоге сплю, снег да лёд надо мной, а сны мне всё про сладкое снятся: про мёд да про ягоды.

— Ну, — сказал дед Мороз,— коли уж ты, лохматый, о сладком мечтаешь, так мне и впрямь у вас делать нечего.

Рассердился и ушёл так далеко, что скоро заяц, косач да медведь совсем о нём забыли.

КТО ЗДЕСЬ ЖИВЁТ?

Рис. В. КОНАШЕВИЧА

ПОДУМАЙ — ОТГАДАЕШЬ!

Сам не видит, а другим указывает; нем и глух, а счёт ведёт.

*

Где можно построить такой дом, чтобы все его четыре стороны выходили на юг?

*

В названии какой реки нужно переставить буквы, чтобы получить название фрукта?

*

На ветвях высокой ели,
Что похожи на ежат,
Серебристые качели
В тёплом воздухе дрожат.

*

Как с запада на восток
Перекинулся мосток.
Он на солнышке сверкает,
Самоцветами дрожит.
Никто по мосту такому
Не пройдёт, не пробежит.

Ответы на загадки, помещённые в журнале № 2

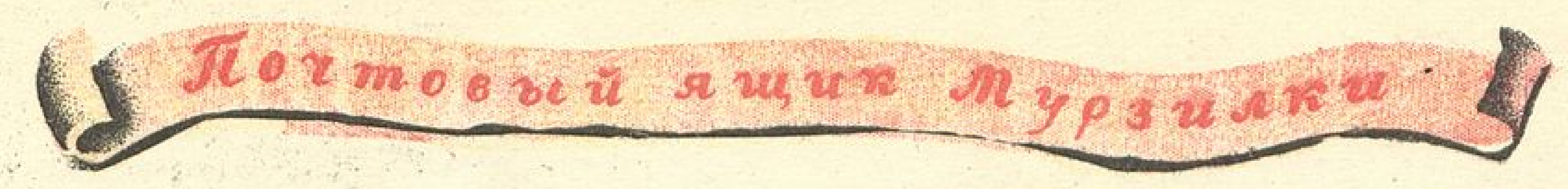
Река. Ива. Дорога. Мост. Хлеб. Месяц.

КАКОЕ ЭТО ДЕРЕВО?

Впишите название дерева, растущего на юге, в каждый кружок по одной букве. Из букв этого названия можно составить новые слова, означающие большую пачку бумаги, движение в танцах, состояние воды, меру земельной площади, злаковое растение.

Какое это дерево?

Письмо из Вильнюса

Дорогая редакция! Я живу в городе Вильнюсе. Наш город очень красивый, но в нём много развалин. Это сделали немцы перед уходом из Вильнюса. Сейчас многие дома ремонтируются, строятся новые.

Вокруг Вильнюса много гор, и мы часто на них лазаем. В самом городе тоже гора. На ней стоит древний замок литовского князя Гедимина. Теперь над замком развевается красный флаг. Его видно со всех концов города.

А внизу, под горой Гедимина, стоит красивый дом. Это наш дворец пионеров. Там и нас всякие кружки и очень интересно.

Мой товарищ Миколас Чаускас нарисовал гору Гедимина и дворец пионеров.

Нам очень хочется повидать столицу СССР — Москву — и другие русские города. И мы просим ребят из других городов присылать в журнал рисунки с видами их родного города.

Висо-гяро! (Всего хорошего!)

М. Билявичус и М. Чаускас

Наш адрес: Литовская ССР, г. Вильнюс, ул. Палангос, д. 4, кв. 16.

«В порту». Рисовал Боря Власов, 10 лет (Ленинград).

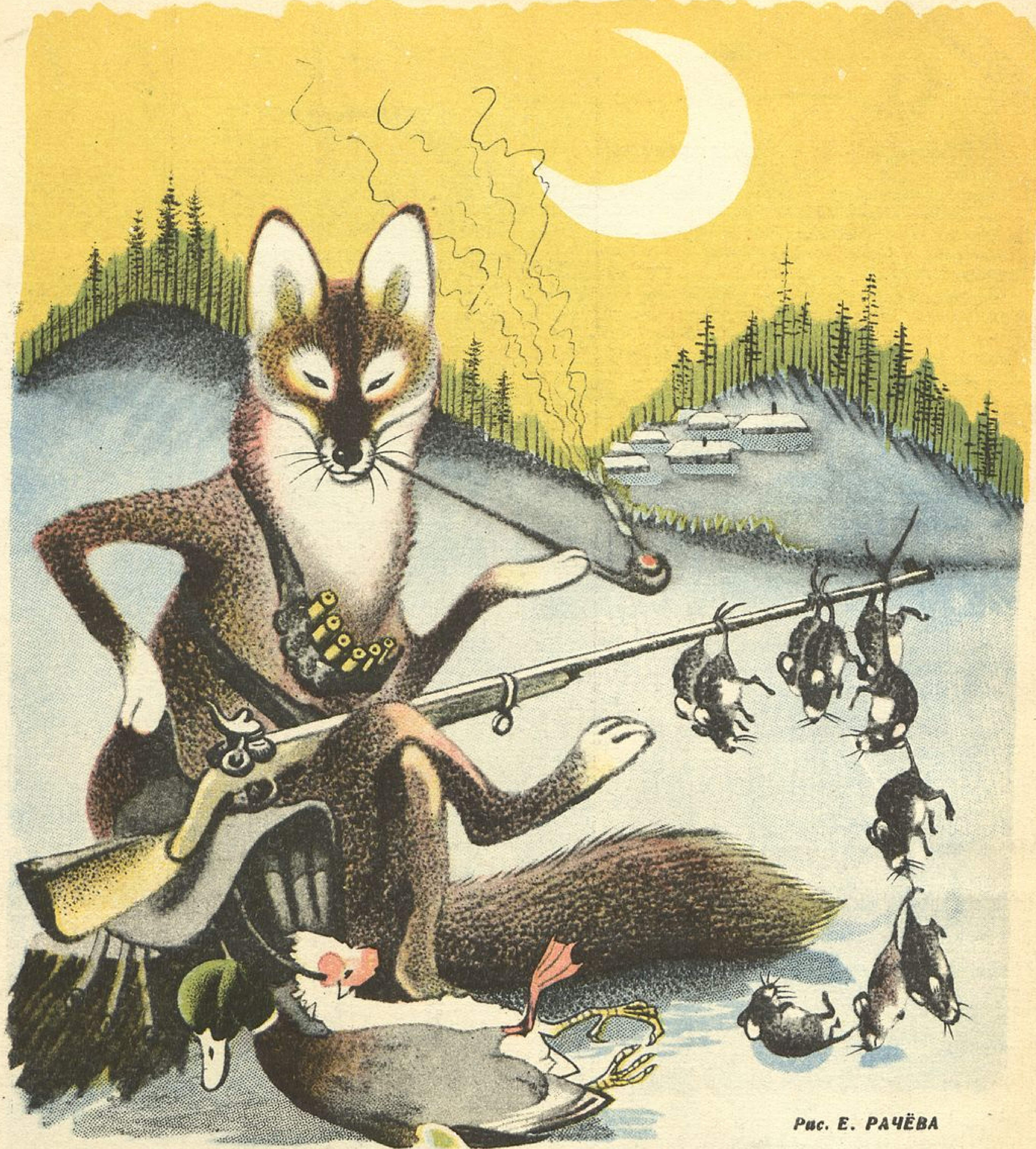

Рис. Е. РАЧЁВА

Я охотница-лиса!
Обошла я все леса,
Все сады, поля и горы,
Все болота и озёра.
Всё, что в сумке у меня,
Я добыла за три дня.

Сергей МИХАЛКОВ

Рисунок на обложке А. ПАХОМОВА

Год издания двадцать четвертый | Цена 1 руб. | Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Новая площадь, 6. Тел. К 5-82-91. Подписано к печати 12/III 1947 г. А02350. Объем 3 печ. л. 3,8 уч.-изд. л. 33 000 зн. в печ. л. Тираж 105 000 экз. Заказ 223.

Типография «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, Сущевская, 21.